

свойственны свѣтскимъ понятіямъ и нравамъ; не ставя слишкомъ высоко этихъ понятій, онъ не ставилъ ихъ и слишкомъ низко, и находилъ возможнымъ оправдывать Онѣгина отъ тѣхъ обвиненій, какихъ много дѣлалось противъ него и тогда во имя простой нравственности; его отрицательное отношеніе къ обычному строю мелкаго быта Бѣлинскій находилъ естественнымъ. Въ чемъ же дѣло?

Онѣгинъ писался Пушкинымъ очень долго, и ближайшее изслѣдованіе этого произведенія, вѣроятно, покажетъ, что отношеніе Пушкина къ своему герою съ теченіемъ времени измѣнялось: онъ то нѣсколько сочувствовалъ ему, то относился къ нему болѣе холодно и объективно; герой его то былъ ясенъ для него, то становился загадочнымъ. Противорѣчіе замѣтно въ самой первой главѣ романа, гдѣ, вступъ за рассказомъ о его странномъ французскомъ воспитаніи и свѣтской полуобразованности, который давали ему возможность блистать въ извѣстныхъ кругахъ, хотя „не могъ онъ ямба отъ хорея, какъ мы ни бились, отличить“. Поэтъ признается, однако, что его герой производилъ на него большое впечатлѣніе:

Условій свѣта свергнувъ бремя,
Какъ онъ, отставъ отъ суеты,
Съ нимъ подружился я въ то время.
Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность
И рѣзкій охлажденный умъ.
Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ;
Страстей игру мы знали оба:
Томила жизнь обоихъ пашъ;
Въ обоихъ сердца жаръ погасъ;
Обоихъ ожидала злоба
Слѣпой Фортуны и людей
На самомъ утрѣ нашихъ дней....
Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей;
Кто чувствовалъ, того тревожитъ
Призракъ невозвратимыхъ дней—
Тому ужъ нѣтъ очарованій....
Сперва Онѣгина языкъ
Меня смущалъ, но я привыкъ
Къ его язвительному спору,
И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ,
И къ злости мрачныхъ эпиграммъ.

Какъ соединились свѣтская пустота, отсутствіе всякаго серьезнаго умственного интереса (Онѣгинъ не могъ дочитать никакой